

Н. А. ИСАЕВ,

доцент кафедры уголовного права Орловского государственного университета, кандидат медицинских наук

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КУЛЬТУРАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ДЕВИАНТНЫХ И КРИМИНАЛЬНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ

В большинстве исследований, посвященных проблемам криминального и девиантного поведения, отмечается важная роль влияния факторов культуры на формирование и реализацию стандартов такого поведения, и в целом вопрос решается однозначно: ему способствует низкий уровень культуры. При этом культура понимается как некий багаж положительных качеств, прежде всего морально-этических, достигнутый в историческом развитии человека, подчас противопоставленный его биологической природе — инстинктам, влечениям, драйвам и способам их реализации. При всей упрощенности такого подхода его эффективность крайне низка: увеличение уровня образованности и культуры слабо влияет на рост преступности. Рост научного знания также почти не отражается на наших представлениях о границах и механизмах преступного и девиантного поведения, оставляя практически единственное средство — репрессивные механизмы социального контроля.

Однако, как отмечалось еще Э. Дюркгеймом, криминальные и девиантные формы поведения имеют более многогранную взаимосвязь с культурой и могут нести в ней положительную роль, определяя грани приемлемого в данной культуре типа поведения. Кроме функции определения границ, девиантное поведение выступает средством социальной идентификации индивидов по принципу «мы — другие». Криминальное и девиантное поведение, с одной стороны, отражает нарушение грани социально-правовых норм определенного общества, с другой — всегда направлено против системы ценностей рассматриваемого общества. Соответственно, подходить к культурально-криминологическому анализу отклоняющихся форм поведения необходимо с рассмотрения конкретных систем этики и норм уголовного права. Именно ценности были взяты П. А. Сорокиным в основание типологии культур, он писал: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность»¹.

На основе доминирования ценностей Сорокин выделяет три основные или идеальные модели культуры: идеациональный, чувственный и идеалистический. Каждая из выделенных культур имеет свои приоритетные ценности и сформированные на их основе стандарты, ритуалы и правила поведения, определяющие норму и девиантность, легитимность и криминальность. Идеациональная этика и ее нормы рассматриваются как открытия Абсолюта или Разума и поэтому она «безусловна, неизменна, вечна» или соответствует критериям истины в последней инстанции. Идеациональное право рассматривается как *jus sacrum*, в таких законодательных сводах криминальное поведение равнозначно греху. «В уголовном праве идеациональный свод законов всегда содержит среди наказуемых и запрещенных действий много таких актов, которые нарушают предписываемые правила и в отношении человека к Богу и сверхчувственным ценностям... Их система кар строится не только на чувственных наказаниях, но и на сверхчувственных». Можно было бы говорить, что идеациональная система этики и права имеет чисто исторический интерес, однако она находит свое отражение и в работах крупных современных теоретиков права².

Чувственная система этики признает «комфортность, полезность и наслаждение высшей ценностью, цели чувственной системы права утилитарны — сохранение человеческой жизни, собственности и имущества, охрана благополучия общества. «Уголовный кодекс фактически игнорирует идеациональные преступления: ереси, отступничество, святотатство и т. п. Его кары целиком чувственные, лишены сверхчувственных санкций. Их цель — не искупление, а возмездие, перевоспитание преступника, безопасность общества и сходные утилитарные соображения»³.

Идеалистические системы этики представляют промежуточный вариант идеационального и чувственного вариантов этических систем, ее главный принцип носит абсолютный

кусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 46–47.

² Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. И. Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998.

³ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 497–498.

¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах ис-

характер; подчиненные нормы — относительны и изменчивы.

«Любое общество обладает своими законодательными нормами, которые определяют, какие формы поведения ожидаются, требуются и допускаются со стороны его членов, а какие запрещаются и наказываются. Этические идеалы и юридические нормы, однако, отличаются по своему характеру и содержанию в разных обществах, а зачастую и у отдельных людей», — отмечал П. А. Сорокин¹. Приводимая им типология культур и соотношения норм и ценностей могут быть взяты за основу культурально-криминологических исследований различных форм поведения, однако такой макросоциологический анализ носит синхронический характер, не учитывает варианты динамики культур, что особенно отчетливо проявляется в современных процессах глобализации. Проведя анализ современных, ныне действующих уголовных кодексов и иных социально-правовых нормативных актов, в большинстве случаев получаем смешанные варианты систем идеалистической этики и права.

Диахронический подход к культуральному исследованию девиантного и криминального поведения и соотношения систем этики и права, можно представить трехэтапной схемой: классицизм, модернизм и постмодерн. Для классического этапа характерна синкретичность норм поведения и права и системы ценностей, лежащей в основе этих норм. Этот синкретизм в основном представлен ритуальными формами поведения, системами символического обмена, описанного Ф. Боассом и М. Моссом, а общества рассмотрены антропологами конца XIX — начала XX в. Б. Малиновским и др. Девиантные и криминальные формы поведения в таких обществах отчуждаются, их функция — определение границ системы. Носители таких форм поведения либо изгоняются из общества, либо уничтожаются, что в древности практически равнозначно. Преступники подвергаются казни, безумные изгоняются и т. д.

Второй этап — модерн, воплощение проекта Просвещения, когда под флагом гуманности уничтожение и изгнание сменяется изоляцией и социальным контролем. М. Фуко впервые выделил эти две модели, обозначив их как «модель проказы» и «модель чумы», модель изгнания и модель изоляции и контроля. «Паноптикум» И. Бентама и «Преступление и наказание» Ч. Беккариа заложили парадигмальные основы отношения к девиантности и преступности, на основе которых сформировались репрессивные модели уголовного судопроизводства, воспитания и обра-

зования, призрения и лечения сумасшедших и т. д. Девиантность и криминальность выступают в эпоху модерна как способ социальной идентификации от обратного, в оппозиции «мы — другие». Однако система норм и система ценностей уже не тождественны друг другу, появляются двойная мораль и двойные стандарты поведения. Этому способствует в первую очередь дифференцировка социальных институтов контроля поведения и сепарация социального пространства, множественность и противоречивость статусно-ролевой структуры личности. Личность выступает как социальный контракт, «общественный договор» на возможности и способы удовлетворения своих потребностей с внешней стороны и иерархическая система ценностей — с другой. Разделение системы норм и ценностей носит повсеместный характер, идея разума противостоит чувственному. Рациональные формы становятся приоритетными; в зависимости от метода В. Виндельбанд делит науки на номотетические (номографические) и идеографические, к первым относятся те, которые оперируют нормами, основанными на законах рациональности, вторые — ценностями. Аналогично В. Дильтей выделяет науки о природе и науки о духе (культуре). Соответственно, одни оперируют законами и нормами, другие ценностями, при этом науки о духе всегда стремились строиться по образцу наук о природе, примером чего служит социология, вначале рассматривавшаяся как «социальная физика». Обращаясь к проблеме криминологической классификации преступлений, ведущие специалисты в области криминологии пишут: «Юридическая наука в значительной мере является описательной и находится между точной наукой и художественной литературой, хотя последняя также является отражением действительности, только своеобразным»². Таким образом, криминологические исследования закономерно ставятся в зависимость от культурологических факторов.

Состояние постмодерна характеризуется тотальным разделением норм и ценностей, релятивизмом и диффузией последних, что ведет к ситуации «прозрачности зла» (Ж. Бодрийяр) и возможности инверсии норм и антинорм. Процесс культурной глобализации — это прежде всего процесс диффузии систем ценностей. Система социальной идентификации «мы — другие» больше не работает, достаточно точно данную ситуацию описывает американский антрополог Клиффорд Гирц: «Теперь мы все — туземцы, и любой, кто

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 488.

² Кудрявцев В. Н., Лунев В. В. О криминологической классификации преступлений // Государство и право. № 6. 2005. С. 54.

не является непосредственно одним из нас, является экзотическим существом. То, что прежде выглядело вопросом выяснения того, могут ли дикари отличать факт от фантазии, теперь предстает вопросом выяснения того, как другие, за морем или этажом ниже, организуют свой значимый мир»¹. Таким образом, в глобализирующемся мире с диффузией ценностей девиантность перестает выступать как средство социальной идентификации. Любые формы девиантности воспринимаются как способ «организации значимого мира», отсюда высокая толерантность к криминальным формам поведения, наблюдаемая сейчас повсеместно. Роль девиантного поведения изменяется, и вместо социальной идентификации девианты, по удачному выражению С. Лема, определяют «полосу свободы эволюционирующего сообщества». Характеризуя роль отклоняющихся, девиантных форм поведения, он писал: «Полоса свободы, которую мир оставляет в распоряжении эволюционирующего общества, уже выполнившего долг адаптации, то есть набор непрременных заданий заполняется комплексами поведения, поначалу случайными. Со временем они застывают в процессах самоорганизации в такие структуры норм, которые формируют внутрикультурный образец “человеческой природы”, навязывая ему схемы долженствования и повинности»². Ассоциативный ряд понятий свободы и девиантности становится все более устойчивым, стоит вспомнить хотя бы права сексуальных меньшинств, активно претворяемые в жизнь на Западе.

Однако сказать, что в культуре постмодерна девиантность отсутствует, не верно, она трансформируется. Все возрастает армия нищих, бомжей, попрошайек, беспризорных детей, количество маргинальных элементов увеличивается, и такая ситуация характеризуется Н. Луманом как «наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различают рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах мы уже можем наблю-

дать это состояние»³. Следствия процессов исключения становятся совершенно очевидными, «именно “исключенные” составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности»⁴. Соответственно, в диахроническом аспекте происходит возврат к «модели проказы» (М. Фуко), или модели исключения, но в качественно новом варианте: физическое изгнание или смерть заменяются на социальную смерть или исключение, и существенно меняется состав девиантов и критерии их отбора.

Инверсия норм в культуре постмодерна позволяет говорить о том, что девиации, отклонения имеют также фундаментальное онтологическое значение и часто более реалистичны, чем абстрактные нормы, в основе которых научная рациональность использовала статистические показатели или критерии адаптации. Ориентация на нормы вызывает все большее количество сомнений. Так, по мнению А. Ф. Черданцева, нормативных суждений не существует, они относятся к прагматическим суждениям, оперирующим с деонтическими модальностями «дозволено», «обязательно», «запрещено»⁵. Й. Йоргенсен привел доказательства невозможности вывода императивных предложений из повествовательным посылок; А. Росс, развивая эти идеи, пришел к выводу, «что о нормах нельзя сказать — они истинны или ложны, логические соотношения норм не могут быть определены обычным образом в терминах концепции истины»⁶. Новый мощный методологический аппарат современной науки, такой как теории самоорганизации, хаоса, фракталов, позволяет по-новому рассматривать вопрос о девиантных и криминальных формах поведения и их социального контроля, об их роли в процессе социальной идентификации, конструирования правового субъекта, создания образа «Я», self, эго и так далее через образы «другого», ввести понятия масок социальной субъектности и наметить переход от репрессивных моделей социального контроля как в области криминального поведения и уголовного правосудия, так и девиантных форм, к охранительным моделям, нивелировать процессы социальной исключенности отдельных личностей. Однако мы находимся только в начале процесса научного изучения отмеченных возможностей, и культурально-криминологические исследования могут стать методологической основой на этом пути.

циология на пороге XXI века: Новые направления исследований // М., 1998. С. 94–108.

⁴ Гилинский Я. Девиантология. СПб., 2004. С. 172.

⁵ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 35–36.

⁶ Цит. по: Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002. С. 37.

¹ Гирц К. Интерпретация культуры. СПб., 2004.

² Лем С. Модель культуры // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 51.

³ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Со-